

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 14

СФИНКС
НА НЕВЕ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Сфинкс на Неве

«Автор»

2026

Карадениз М.

Сфинкс на Неве / М. Карадениз — «Автор», 2026

Блокадный Ленинград, 1943 год. Город задыхается в огненном кольце, свирепствуют голод и холод, каждый день приносит новые обстрелы. Капитан НКВД Алексей Ухтомский расследует леденящее душу убийство хранителя Эрмитажа. Вместе с телом исчезает золотой скарабей — артефакт, хранящий тайну, способную перевернуть всё, что известно о древних цивилизациях. След ведёт к сфинксам на Университетской набережной. Почти двести лет назад их установили здесь, и с тех пор они хранят молчание. Но кто-то знает, что скрыто у их подножия. Кто-то готов убивать за ключ к этой тайне. В наши дни правнучка Ухтомского находит в архиве дело о пропавшем скарабее. Ей предстоит пройти по следу из блокадного Ленинграда в прошлое — к тому, кто установил сфинксов на набережной, и тем, кто спрятал истину на долгие десятилетия. Сфинксы на Неве знают больше, чем говорят. Но раскроют ли они тайну тому, кто готов её услышать?

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «Золото в воде»	6
ЧАСТЬ I. «СКАРАБЕЙ»	9
ГЛАВА 1. «Стекло и кровь»	9
ГЛАВА 2. «Папка с грифом»	12
ГЛАВА 3. «Штольц»	14
ГЛАВА 4. «Архивный пыль»	17
ГЛАВА 5. «Следы на с	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сфинкс на Неве

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Золото в воде»

Время: 15 января 1943 года, 23:00

Место: Ленинград, Университетская набережная, правый сфинкс

Блокада | Алексей Ухтомский

Ночь стояла над Ленинградом такая, что звёзды казались осколками льда, вмороженными в чёрное небо. Алексей Ухтомский стоял у подножия правого сфинкса и смотрел на Неву. Река дышала холодом, и этот холод проникал сквозь шинель, сквозь ватник, сквозь кожу, добираясь до самых костей. Где-то за Васильевским островом ухали взрывы — немцы били по порту. Каждые несколько минут небо на востоке окрашивалось багровым отсветом, будто там горел огромный костёр, в котором сгорал старый мир.

Алексей перевёл дыхание — пар облачком вырвался изо рта и тут же исчез в морозном воздухе. Он сжал рукоятку ломика, который принёс с собой, и посмотрел на гранитного стража. Сфинкс смотрел куда-то вдаль, туда, где сейчас горел Ленинград, но лицо его было бесстрастным. Каменный. Вечный. Он видел всё: и приход Николая, и революцию, и блокаду. И молчал.

— Прости, — шепнул Алексей сфинксу, как будто тот мог его слышать. — Но мне нужно знать.

Он опустился на колени. Снег под ним был плотным, утопанным, но у самого основания сфинкса он заметил свежие следы — кто-то был здесь до него. Алексей провёл ладонью по постаменту, нашупал неровность. Та самая, о которой писал в своих записках Соболев. Там, где в 1935 году сотрудники НКВД залили бетоном вход в старое захоронение.

Он поднял ломик и ударил.

Звук получился глухим — бетон промёрз до основания, но был старым, с трещинами. Второй удар — и кусок откололся. Третий, четвёртый — Алексей работал быстро, ритмично, не обращая внимания на боль в пальцах. Перчатки были тонкими, кожа на руках трескалась от холода, но он не мог остановиться. Нужно было успеть до рассвета, до патрулей, до того, как кто-нибудь заметит.

Через пятнадцать минут он пробил отверстие достаточное, чтобы просунуть руку. Он достал фонарь и направил свет внутрь.

Под бетоном был старый каменный ящик. Крышка его была покрыта древними письменами — Алексей видел такие в Эрмитаже. Он прикоснулся к крышке ладонью и ощутил, что камень тёплый — странное дело, потому что всё вокруг было ледяным.

— Ну, — сказал он тихо. — Посмотрим, что ты хранишь.

Он поддел крышку ломиком. Она поддалась с протяжным скрипом, как будто кто-то внутри не хотел открываться. Алексей откинул крышку и направил фонарь вглубь.

Пусто.

Только на самом дне лежал маленький золотой предмет, тускло блеснувший в луче света. Алексей протянул руку и взял его. Это был скарабей — крошечный, с ноготь большого пальца, но тяжёлый, настоящий, из чистого золота. Он повернул его в руке и увидел на нижней стороне гравировку — ряды крошечных иероглифов.

Он не понимал древнеегипетского. Но он знал, что это не тот скарабей, который пропал из витрины. Тот был больше, с инкрустацией. Этот — простой, гладкий, будто его сделали в спешке.

Он почувствовал холод, который поднимался от скарабея. Или не от скарабея? Вдруг он понял, что это не просто древняя вещица. Это ловушка.

— Что же ты такое? — прошептал он, разглядывая иероглифы.

И в этот момент он услышал шаги за спиной.

Алексей замер. Он медленно обернулся, сжимая скарабей в левой руке, правой нащупывая кобуру пистолета.

Из темноты выступила фигура. Человек в длинной шинели, в шапке-ушанке, надвинутой почти на глаза. В правой руке он держал пистолет, направленный прямо на Алексея. Лицо тонуло в тени, но Алексей разглядел высокие скулы и жёсткую линию рта. Он не узнал этого человека.

— Отдай скарабей, Ухтомский, — сказал голос — глухой, без интонаций, без эмоций. — Ты не понимаешь, что делаешь.

Алексей медленно поднялся на ноги. Он держал скарабей в руке, сжимал его так сильно, что золото впивалось в ладонь. В голове пронеслась мысль: кто это? Штольц? Агент? Свой? Он вспомнил уборщицу, которая видела человека в шинели. Он вспомнил фотографию в деле Соболева. Этот человек мог быть убийцей.

— Кто ты? — спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало от холода и страха.

— Тебе не нужно знать, — ответила фигура. — Просто отдай то, что нашёл.

— Он не твой, — сказал Алексей. — Он принадлежит музею. И я верну его.

— Ты ничего не знаешь, Ухтомский. Этот скарабей — не для музея. Он для тех, кто знает, как его использовать. Отдай. И живи.

Алексей сделал шаг назад. За его спиной была Нева — чёрная, ледяная, тёмная. Он слышал, как вода плещется о гранит набережной. Он понимал, что если этот человек выстрелит, он упадёт в воду и никто никогда не найдёт ни его, ни скарабея.

Фигура сделала шаг вперёд. Пистолет в руке не дрожал.

— Отдай, говорю.

Алексей смотрел на скарабей. Золотой, маленький, древний. Он чувствовал его тяжесть, его холод, его странную пульсацию — или это просто бился пульс у него в висках? Он думал о Соболеве, который погиб из-за этого камня. О Штольце, который исчез. О Глухове, который охотился за этим с другой стороны фронта. О войне, которая сжирала Ленинград.

И он понял: если он отдаст скарабей этому человеку, тот не остановится. Он пойдёт дальше. Он найдёт камень, о котором все говорили. И тогда кто-то получит то, что не должен получить.

— Нет, — сказал Алексей и разжал пальцы.

Скарабей упал в воду. Алексей даже не видел, как он упал — слышал только короткий всплеск, и всё. Золотая точка мелькнула в свете фонаря и исчезла в чёрной глубине. Нева приняла его. И он утонул навсегда.

— Ты что наделал! — закричала фигура. Человек рванулся к парапету, перегнулся через него, пытаясь разглядеть что-то в тёмной воде, но было поздно. Скарабей ушёл ко дну.

Алексей стоял неподвижно. Он смотрел на воду, на рябь, которая медленно успокаивалась, и чувствовал странное спокойствие. Он не знал, что скарабей, который он бросил, был ложным. Он не знал, что настоящий, тот самый, с инкрустацией и гравировкой ключа, уже лежал у другого человека.

Он развернулся и пошёл прочь. Он не обернулся. Он не хотел видеть, как фигура в шинели стоит у парапета, глядя на воду, как сжимает кулаки, как шепчет проклятия. Он просто шёл вдоль набережной, вдоль сфинксов, которые смотрели на него своими каменными глазами.

Позади остался правый сфинкс. Впереди — левый. Алексей прошёл мимо и не заметил, что из-за левого сфинкса, из самой густой тени, кто-то наблюдал за ним. Человек, который стоял там всю ночь, видел всё — и как Алексей нашёл скарабей, и как он бросил его в воду, и как фигура в шинели пыталась его остановить.

Человек улыбнулся. Он сунул руку в карман и нащупал там настоящий скарабей-ключ — тот самый, с инкрустацией, с гравировкой, которая указывала на то, где спрятан камень жизни. Он достал его, посмотрел на тусклый блеск золота в свете горящего города.

— Спасибо, Ухтомский, — тихо сказал он. — Ты сделал всё, что я хотел.

Он спрятал скарабей обратно и исчез в темноте, оставив сфинксов одних — смотреть на Неву, на горящий город и на войну, которая не знала жалости.

Алексей шёл дальше, не зная, что через несколько дней он вернётся сюда и начнёт всё сначала. Что он найдёт второго скарабея и поймёт, что первый был ловушкой. Что он встретит Штольца, потеряет его, снова найдёт и снова потеряет. Что он уедет в Берлин и будет искать то, что Глухов спрятал от всех.

Но пока он просто шёл. И за спиной его оставался правый сфинкс, который видел всё. И молчал.

ЧАСТЬ I. «СКАРАБЕЙ»

ГЛАВА 1. «Стекло и кровь»

Время: 12 января 1943 года, 10:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, запасники

Блокада | Алексей Ухтомский

Звонок раздался в половине десятого. Алексей Ухтомский сидел в своём кабинете в Смольном, пытаясь согреть руки над коптилкой — маленькой жестяной лампой, в которой вместо керосина горел кусок старого валенка, пропитанный соляжкой. Запах стоял такой, что першило в горле, но это было лучше, чем ничего. В кабинете было минус пять, и Алексей уже давно перестал удивляться тому, что чернила замерзают через десять минут после того, как он открывает чернильницу.

Телефонный аппарат, старый, с треснутым корпусом, зазвонил пронзительно и резко. Алексей взял трубку, прижал её к уху холодным ухом.

— Ухтомский? — голос директора Эрмитажа звучал нервно, почти истерично. — Немедленно приезжайте. У нас беда. Соболев мёртв.

— Что случилось? — спросил Алексей, уже вставая и натягивая шинель.

— Я не могу объяснить по телефону. Приезжайте. И возьмите кого-нибудь из ваших... из ваших специалистов.

Связь прервалась. Алексей посмотрел на трубку, потом на часы, которые показывали четверть десятого. Он вышел из кабинета, прошёл по коридору, где у стен сидели обессиленные люди, пытающиеся согреться, и направился к выходу. На улице — ленинградское утро, серое, холодное, с низким небом, которое давило на город. Где-то вдалеке слышались разрывы — начинался артиллерийский обстрел.

Он прошёл по Невскому, мимо пустых витрин магазинов, мимо заклеенных крест-накрест окон. На углу стояла очередь за хлебом — люди в ватниках, в платках, лица серые, глаза пустые, но в них еще теплилась жизнь. Они не смотрели на него. Они смотрели в одну точку — туда, где, возможно, через час раздадут их сто двадцать пять граммов.

Алексей ускорил шаг.

Эрмитаж встретил его холодом и тишиной. Огромное здание, которое когда-то было гордостью империи, теперь напоминало гигантский склеп. В вестибюле никого — только дежурный охранник, старик в ватнике, который кивнул Алексею и махнул рукой в сторону лестницы.

— Вниз, в запасники, — сказал он. — Там они. Ждут вас.

Алексей спустился по лестнице. В запасниках было темно, только несколько лампочек, прикрученных к потолку, давали тусклый свет. От стен веяло холодом, который пробирал до костей. Здесь, в подвалах, температура была на несколько градусов ниже, чем на улице.

Он вошел в комнату, где обычно хранились египетские древности, и увидел людей, столпившихся вокруг чего-то на полу. Они расступились, когда он подошел.

На полу лежал Михаил Соболев. Старший хранитель египетского собрания, человек, который знал каждый экспонат, каждый осколок, каждую пылинку в этих залах. Он лежал на спине, руки раскинуты в стороны, лицо бледное, глаза открытые. Рядом с ним — осколки стекла, разбитая витрина.

— Он упал, — сказал кто-то из сотрудников. — Поскользнулся и упал на витрину. Порезался осколками.

Алексей опустился на колени рядом с телом. Он знал Соболева, они встречались несколько раз — Соболев был тихим, замкнутым человеком, но очень увлеченным своим делом. Алексей провел рукой над лицом Соболева, затем осторожно приподнял голову и заглянул на затылок.

Он увидел гематому. Темное пятно, которое не могло появиться от падения на стекло. Это был след удара тупым предметом. Он провел пальцем по краю витрины — она была разбита снаружи, а не изнутри. Значит, кто-то ударил Соболева по голове, а затем инсценировал падение.

— Он не поскользнулся, — сказал Алексей, поднимаясь на ноги. — Его ударили по затылку. Витрина разбита не им — её разбили после того, как он был уже мёртв.

Сотрудники зашептались. Кто-то побледнел, кто-то отвернулся.

— Что пропало? — спросил Алексей.

Одна из сотрудниц, пожилая женщина в нескольких платках, показала на пустую витрину. На ней осталась этикетка: «Скарабей золотой. Древний Египет. Инв. № 47-Е».

Алексей подошел к витрине. Замок не был взломан — у вора был ключ. Он открыл витрину, заглянул внутрь. На бархатной подушке осталась лишь форма скарабея — тусклый отпечаток того, что лежало здесь раньше.

— Кто имел доступ? — спросил он.

— Все хранители, — ответила женщина. — Но Соболев был единственным, кто открывал эту витрину за последний месяц.

— Когда его видели в последний раз?

— Вчера вечером. Он остался работать. Говорил, что хочет проверить описи египетского собрания. Он был очень взволнован, что-то искал.

Алексей оглядел комнату. В углу стоял рабочий стол Соболева. На нем — раскрытая книга по египтологии, несколько листов бумаги, исписанных мелким почерком. Он подошел к столу и увидел, что на верхнем листе написано: «Камень жизни. Под сфинксом. 47-Е. Глухов».

Он взял лист и спрятал его в карман.

— Кто сейчас убирает здесь? — спросил он.

— Я, — сказала женщина в платках, та самая, которая показала на витрину. Она была маленькая, сторбленная, лицо в глубоких морщинах. — Я убираю в запасниках уже тридцать лет. Вижу всё, но я ничего не видела вчера.

— Вы никого не заметили? Кто-то странный? Кто-то, кто не должен был здесь быть?

Она замялась, потом прошептала почти беззвучно:

— Был один... человек. В шинели. Я не видела лица — было темно. Он выходил из подвала с маленьким свёртком. Я подумала, что он из спецотдела... они иногда приходят.

— Вы запомнили, как он выглядел?

— Только что он был высокий. И шёл очень быстро. Будто убегал.

— В котором часу?

— Вечером. Часов в девять. Я как раз закончила уборку и пошла домой.

— Больше никого не видели?

Она покачала головой.

Алексей собрал со стола Соболева все бумаги, положил их в кожаную папку, которую нашел в ящике стола. Он попросил сотрудников ничего не трогать до его возвращения и вышел из запасников.

На улице, едва он ступил на набережную, воздух разорвал свист снаряда. Алексей инстинктивно пригнулся, прижался к стене. Взрыв раздался совсем рядом — где-то за Зимним дворцом. Земля дрогнула, с крыши посыпался снег. Он побежал в сторону Невского, но тут же понял, что не успеет — второй снаряд упал ближе, и он кинулся в дверь ближайшего подъезда, который, судя по всему, служил бомбоубежищем.

Внутри было темно и тесно. Люди сидели на полу, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Кто-то плакал, кто-то молился, кто-то просто молчал. Алексей нашел свободное место у стены, сел на холодный бетон и положил папку на колени.

Он слышал, как сверху падают снаряды, как вздрагивают стены, как где-то далеко кричит человек. Он смотрел на папку, на её кожаный переплет, на потёртые края. Соболев работал с ней вчера. Может быть, в ней был ключ к тому, что случилось.

Он открыл папку.

Первое, что он увидел, была фотография. Старая, пожелтевшая, с выцветшими краями. На ней был человек, которого Алексей хорошо знал.

Полковник Белов.

Но Белов погиб в 1941 году. Алексей сам видел его похороны.

Он держал фотографию в руках и не мог отвести от неё взгляд.

Сверху снова грохнул взрыв, и с потолка посыпалась штукатурка. Алексей не шелохнулся. Он смотрел на Белова, на его узкое лицо, пронизательные глаза, и в голове его мелькнула мысль: если Белов жив, то кто тогда лежит в могиле? И что связывает его с Соболевым и украденным скарабеем?

Он перевернул фотографию. На обороте была надпись, сделанная карандашом:

«Глухов. Операция 47-Е. Берлин, 1945».

Но 1945 год ещё не наступил. Чья-то рука написала это позже. Или раньше?

Алексей закрыл папку и прижал её к груди. Снаряды продолжали падать, но он уже не слышал их. Он думал о том, как этот человек, который должен был быть мёртв, оказался в деле Соболева. И как Соболев, который искал камень, тоже теперь мёртв.

Он решил, что не остановится, пока не узнает правду.

ГЛАВА 2. «Папка с грифом»

Время: 12 января, 11:00

Место: Санкт-Петербург, квартира Анны

Наши дни | Анна Ухтомская

Коробка стояла в углу комнаты уже два года. Анна Ухтомская каждый раз обещала себе, что разберёт её, и каждый раз находила причину отложить. Слишком много работы, слишком много заказов, слишком много всего. Но сегодня, когда за окном сыпал мелкий снег, а в квартире было тихо и тепло, она наконец решилась.

Она села на пол, пододвинула коробку к себе и сняла крышку. Внутри пахло старой бумагой, пылью, немного плесенью — запахом, который она знала с детства. Это был запах архива её прадеда, того самого, который она разбирала уже несколько лет, но который, казалось, никогда не заканчивался.

Анна доставала папки одну за другой, перебирала их, раскладывала по стопкам. Большая часть была ей уже знакома — отчёты, письма, дневники, старые фотографии. Но в самом низу, под несколькими книгами, она нашла папку, которую не видела раньше.

Она была тёмно-синей, с потёртыми краями. На обложке чёрными чернилами было написано: «№ 47-Е. Сфинксы. 1943».

Анна замерла.

— Ещё одно дело, — тихо сказала она. — Ещё одно...

Она провела рукой по корешку, потом открыла папку. Внутри лежали несколько листов бумаги — машинописный текст, рукописные заметки, какие-то схемы. Она начала читать, погружаясь в документы, которые когда-то держал в руках её прадед.

Первый лист был отчётом об убийстве.

«12 января 1943 года в 10:00 в запасниках Эрмитажа обнаружено тело старшего хранителя египетского собрания Михаила Соболева. При осмотре установлено: смерть наступила в результате удара тупым предметом по затылку. Тело было обнаружено у разбитой витрины. Пропал экспонат — золотой скарабей (инв. № 47-Е). Предполагаемый подозреваемый — старший научный сотрудник Фёдор Штольц, исчезнувший в тот же день. Дело передано капитану Ухтомскому А.А. для дальнейшего расследования».

Анна перечитала абзац дважды. Она видела это дело так же ясно, как если бы стояла рядом с прадедом в тот самый день. Ей казалось, что она слышит холод, чувствует запах войны, видит тот самый подвал, где Алексей нашёл тело Соболева.

Она перевернула страницу. Дальше шли стенограммы допросов, показания сотрудников, какие-то технические заметки. Но на полях одного из листов она заметила пометку, сделанную другим почерком — более мелким, более аккуратным, чем у Алексея.

«Глухов запрашивал опись 47-Е в 1941 году».

Анна замерла. Глухов. Эта фамилия уже много раз всплывала в архиве её прадеда. Она встречалась в делах о фарфоре, о янтаре, о малахите. Каждый раз Глухов оказывался где-то рядом, за кулисами, дергая за ниточки, которые вели к пропавшим артефактам.

— Глухов, — прошептала Анна. — Что ты делал с этой описью?

Она отложила лист с пометкой в сторону и продолжила читать. Дело было обрывочным — много страниц отсутствовало, некоторые были залиты чем-то тёмным, возможно, чернилами

или кровью. Но она нашла самое важное — в конце, на последней странице, была подпись Алексея:

«Дело закрыто. Скарабей утерян. Убийца найден мёртвым. Следов камня жизни не обнаружено».

Анна задумалась. Камень жизни. Она никогда не слышала об этом. Что это за камень, который её прадед искал почти восемьдесят лет назад? И почему Глухов так интересовался им? Она взяла телефон и набрала номер Никиты. Он ответил после третьего гудка.

— Привет, — сказал он. — Что-то случилось?

— Я нашла ещё одно дело, — сказала Анна. — № 47-Е. Сфинксы. 1943 год.

— Сфинксы? Те, что на Университетской набережной?

— Да. Там пропал золотой скарабей. И убит хранитель по фамилии Соболев.

— Серьёзно? И что там с ним?

— Я тебе всё покажу. Давай встретимся сегодня? Мне нужно проверить кое-что в Эрмитаже.

— Я на работе. Приезжай через час, я буду свободен.

— Договорились.

Анна положила телефон и посмотрела на папку. Она перелистнула последнюю страницу и замерла.

На обороте, на самом дне, была приклеена вырезка из газеты. Пожелтевшая, с потёртыми краями. Это была заметка из 1943 года, которая сообщала о гибели человека, которого называли «тайным агентом». Под фотографией стояло имя: «полковник Белов».

Анна взяла вырезку в руки, взгляделась в фотографию. На ней был мужчина лет сорока, с узким лицом, острыми скулами и пронизательными глазами. Он смотрел куда-то в сторону, как будто видел то, что не могли видеть другие.

Но самое странное было не в этом.

Она перевернула вырезку и увидела, что на обороте рукой Алексея написано: «Белов — агент Глухова. Связь со скарабеем. Проверить архив».

Анна провела пальцем по буквам, как будто могла прикоснуться к прадеду через бумагу.

— Белов, — прошептала она. — Ты тоже искал скарабей?

Она посмотрела на часы. Было без четверти двенадцать. Она собрала папку, положила её в сумку, надела пальто и вышла из квартиры.

В голове уже начали выстраиваться вопросы, ответы на которые ей предстояло найти.

Кто был этот Белов? И почему его фотография оказалась в деле Алексея, если он был тайным агентом?

И что за камень жизни, о котором писал Алексей?

ГЛАВА 3. «Штольц»

Время: 13 января 1943 года, 09:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, кабинет директора

Блокада | Алексей Ухтомский

На следующее утро Алексей снова стоял у дверей директорского кабинета. Ночь он провёл почти без сна — сидел над папкой Соболева, перечитывал показания, рассматривал схему захоронения, которую нашёл в столе убитого. Несколько раз он порывался позвонить Сорокину и доложить, но каждый раз откладывал трубку — нужно было разобраться самому, понять, кто такой Белов и почему его фотография оказалась в деле.

В кабинете было так же холодно, как и везде. Директор сидел за столом, кутаясь в старый плед, поверх которого была накинута шинель. Он выглядел уставшим — глубокие тени под глазами, серая кожа, руки, которые дрожали, когда он подносил к губам кружку с горячей водой. Алексей присел на стул напротив.

— Вы хотели меня видеть, — сказал он.

Директор кивнул. Он поставил кружку на стол и провёл ладонью по лицу — жест старого, уставшего человека.

— Я думал о Соболеве всю ночь, — сказал он. — Он был хорошим хранителем. Знающим, преданным делу. Но в последнее время... он стал странным.

— Станным?

— Да. Он перестал обращать внимание на свою основную работу. Всё время проводил в архивах, перебирал старые описи. Говорил о каких-то египетских тайнах. Я думал, это усталость, голод, война... но теперь я понимаю, что он искал что-то конкретное.

— Что именно?

Директор наклонился вперёд, понизил голос:

— Он говорил о «камне жизни». Слышали о таком?

Алексей покачал головой.

— Я тоже не слышал, пока Соболев не начал упоминать это. Он говорил, что в Египте существует легенда о минерале, который использовали для мумификации. Что-то вроде кварца с редкими примесями, который сохраняет ткани от разложения. Соболев считал, что такой камень привезли в Петербург вместе со сфинксами и захоронили под одним из них.

— Под сфинксом? — переспросил Алексей, хотя уже догадывался.

— Да. Он говорил, что нашёл документы, подтверждающие это. Копии архивов Николая I. Он хотел вскрыть захоронение, но я запретил — идёт война, люди умирают от голода, а он хочет копаться под сфинксами. Я сказал ему, что это безумие, и приказал прекратить.

Алексей вспомнил, как директор говорил ему о странностях Соболева. Теперь это обрело смысл.

— И он прекратил? — спросил он.

— Нет. Он продолжал искать. Я думаю, он нашёл что-то важное. Возможно, именно поэтому его убили.

— Вы знаете, с кем он общался? Кто мог быть в курсе его поисков?

Директор задумался, потом открыл ящик стола и вытащил старую записную книжку. Он пролистал несколько страниц и показал Алексею:

— Вот. Он часто встречался с Фёдором Штольцем. Старший научный сотрудник, египтолог. Они работали вместе над каталогом. Штольц тоже интересовался древними ритуалами. Я думаю, они обсуждали «камень жизни» между собой.

— Где я могу найти Штольца?

— Его нет уже три дня. Он должен был прийти на работу, но не появился. Я уже собирался сообщить вам, но вы сами пришли.

Алексей записал адрес Штольца и вышел из кабинета.

На улице было холодно. Небо затянуло низкими серыми облаками, с Невы тянуло сыростью. Он шёл по набережной, мимо пустых зданий, мимо заклеенных окон, мимо людей, которые брели по своим делам с пустыми глазами. Он старался не смотреть на них, потому что каждый раз, когда он видел этих людей, он вспоминал, что сам не ел уже почти сутки.

Дом Штольца находился на Васильевском острове, в старом доходном доме, который чудом уцелел после бомбёжек. Алексей поднялся на третий этаж — лестница была тёмной, пахло сыростью и чем-то кислым. Он постучал в дверь квартиры номер двенадцать. Никто не ответил.

Он толкнул дверь — она была не заперта.

Внутри пахло холодом и запустением. Квартира была небольшой, одна комната с кухней. Всё выглядело так, будто хозяин уехал в спешке — на столе осталась недопитая кружка, на кровати лежала скомканная простыня.

Алексей прошёл внутрь. Его взгляд сразу упал на стол, где лежала раскрытая книга. Он подошёл ближе и увидел, что это был труд по египтологии, изданный ещё в конце XIX века. Страница была заложена на разделе о ритуалах воскрешения — древние тексты с комментариями на немецком.

Рядом с книгой лежал лист бумаги. Алексей взял его — это была схема. Сфинксы на Университетской набережной, вид сверху, с пометками. Два сфинкса, между ними — Нева. Схема была нарисована чёрными чернилами, аккуратно, профессионально. Под правым сфинксом была жирная пометка: «Вход».

Алексей перевернул схему. На обратной стороне он увидел надпись, сделанную тем же почерком, что и пометки в книге. Короткую, торопливую, будто человек писал её в спешке:

«Если меня убьют — ищите под левым. Г.»

Алексей замер.

«Г». Глухов.

Или это просто сокращение от «Гагарин»? Или кто-то ещё?

Он ещё раз перечитал надпись и понял, что это не просто предостережение. Это было последнее послание человека, который знал, что его жизнь в опасности. Штолец знал, что за ним охотятся.

Алексей убрал схему в карман и осмотрел квартиру. Больше ничего необычного — только книги, бумаги, старые записи. Но в углу, под ворохом одежды, он нашёл небольшой кожаный чемоданчик. Внутри — документы, письма, фотографии. Он пролистал их, пытаясь найти что-то ещё.

И нашёл.

На одной из фотографий, сделанной в 1941 году, были изображены Соболев, Штолец и третий человек. Алексей не узнал его. Человек был высоким, в шинели, с жёстким взглядом.

Алексей перевернул фотографию. На обороте было написано: «Белов. 1941».

Он снова вспомнил вырезку из газеты. Белов, тайный агент, погибший в 1941 году. Но если он погиб, то как он мог оказаться на этой фотографии?

Или он не погиб?

Алексей положил фотографию в карман и вышел из квартиры. Он знал, что он должен вернуться к сфинксам. Но на этот раз — к левому.

ГЛАВА 4. «Архивный пыль»

Время: 13 января, 15:00

Место: Санкт-Петербург, Эрмитаж, архив

Наши дни | Анна Ухтомская

Архив Эрмитажа располагался в подвальном помещении, куда редко заглядывали посетители. Здесь пахло старыми бумагами, картоном, засохшим клеем и временем — тем особенным запахом, который бывает только в местах, где хранятся документы, пережившие войны, революции и пожары. Анна любила этот запах. Он напоминал ей о том, что прошлое не исчезает бесследно — оно остаётся здесь, в этих коробках, в этих папках, в этих пожелтевших листах.

Никита уже ждал её у входа. Он стоял, прислонившись к стене, с чашкой кофе в руках — пластиковый стаканчик, который он держал обеими ладонями, пытаясь согреть пальцы. Увидев Анну, он улыбнулся и оттолкнулся от стены.

— Ты нашла что-то интересное? — спросил он, кивая на её сумку, где лежала папка с делом.

— Очень интересное, — ответила Анна. — Давай пройдем внутрь. Мне нужно проверить кое-что в старых описях.

Они прошли в читальный зал — маленькую комнату с высокими потолками и длинным столом, заваленным книгами и папками. Здесь было прохладно, но хотя бы не так холодно, как в запасниках. Анна положила папку на стол, открыла её и показала Никите отчёт Алексея.

— Смотри. 12 января 1943 года убит хранитель Соболев. Пропал золотой скарабей. Дело закрыто в том же году с пометкой «Артефакт утерян».

Никита взял папку, пролистал страницы. Он изучал документы быстро, но внимательно — привычка, выработанная годами работы в музее.

— И ты хочешь найти этот скарабей? — спросил он.

— Нет, — сказала Анна. — Я хочу понять, что вообще произошло. И почему у меня такое чувство, что эту историю замяли.

— Хорошо. Что нам нужно?

— Старые инвентарные книги. За 1940–1945 годы. Мне нужно посмотреть, когда именно скарабей исчез из описей.

Никита кивнул и направился к стеллажам, где хранились самые старые документы. Он провёл рукой по корешкам, перебирая папки, и через несколько минут вытащил одну, с потёртой обложкой, на которой было написано: «Инвентарные книги. Египетское собрание. 1935–1945».

Он поставил её на стол перед Анной.

— Начинай, — сказал он. — Я буду искать что-нибудь про скарабея в газетах того времени.

Анна открыла книгу. Страницы были хрупкими, пожелтевшими от времени, некоторые — с надорванными краями. Она перелистывала их осторожно, боясь повредить бумагу. В инвентарных записях было всё: фараоны, саркофаги, амулеты, статуэтки. Но она искала только одно: «Скарабей золотой. Инв. № 47-Е».

В книге за 1940 год запись была на месте. Чёткая, аккуратная: номер, описание, вес, размеры. Напротив стояла подпись — Соболев.

Но в книге за 1944 год скарабея уже не было. Страница, где он должен был значиться, была чистой.

Анна провела пальцем по бумаге, словно пытаясь нащупать невидимый след. Никаких пометок, никаких приписок о том, что экспонат передан в другой отдел, или утерян, или уничтожен. Просто — исчез.

— Смотри, — сказала она Никите. — В 1940-м он был. В 1944-м — нет. Но акта о краже нет. Его просто вычеркнули из описи, как будто его никогда не существовало.

Никита подошёл, заглянул в книгу.

— Это странно, — сказал он. — Любая кража должна быть задокументирована. Даже если она произошла во время войны. Это бюрократия, она не останавливается ни при каких обстоятельствах.

— Значит, эту кражу скрыли. Намеренно.

— Кто мог это сделать?

Анна пожала плечами.

— Не знаю. Но у меня есть предположение, что это связано с Глуховым.

— Глуховым? Тем самым, который фигурирует в делах о янтаре и малахите?

— Да. Он запрашивал опись скарабея ещё в 1941 году. Значит, он знал об этом артефакте до войны. И он мог быть тем, кто приказал скрыть кражу.

Никита задумался, потом сел напротив Анны и положил перед ней несколько бумаг.

— Я нашёл кое-что другое, — сказал он. — Старые газеты. Вот, смотри.

Он протянул ей вырезку из «Ленинградской правды» за 1942 год. Статья была небольшой, на третьей полосе, и называлась «Сокровища Эрмитажа в годы войны». В ней рассказывалось о том, как сотрудники музея спасали экспонаты, как упаковывали их в ящики, как вывозили в тыл. Среди прочего упоминался и золотой скарабей:

«Особую ценность представляет золотой скарабей из собрания Петра Великого. Этот уникальный артефакт, привезённый из Египта в XVIII веке, хранится в запасниках Эрмитажа и является одним из самых редких экспонатов египетского собрания».

Анна прочитала статью дважды.

— Здесь сказано, что скарабей хранится в запасниках, — сказала она. — В 1942 году он был ещё на месте. А в 1943-м его украли.

— Но в газете об этом ни слова, — сказал Никита. — Кражу не афишировали.

— Значит, кто-то очень хотел, чтобы об этом молчали. — Анна отложила вырезку и посмотрела на Никиту. — Мне нужно найти всё, что связано со скарабеем. Любые документы, любые письма, любые упоминания.

Никита кивнул и снова направился к стеллажам. Он перебирал папки, коробки, конверты, пока наконец не наткнулся на старый ящик, стоящий в самом углу, заваленный другими коробками.

— Анна, иди сюда, — сказал он. — Тут что-то есть.

Она подошла к нему. Никита достал ящик и поставил его на стол. На крышке была надпись, сделанная чёрными чернилами, выцветшими от времени, но всё ещё разборчивыми:

«Лично Ухтомскому. Вскрыть после войны».

Анна замерла.

— Это написано рукой Алексея, — сказала она. — Я узнаю его почерк.

— Значит, он хотел, чтобы кто-то прочитал это после войны. После того, как всё закончится.

Анна взяла ящик в руки. Он был лёгким, почти пустым. Она осторожно сняла крышку и заглянула внутрь.

Ящик был пуст.

Только на дне лежал конверт — вскрытый. Кто-то уже прочитал то, что лежало внутри. И это был не Алексей.

Анна достала конверт, перевернула его. На обратной стороне было написано: «1945. Берлин. Г.»

— Кто-то вскрыл его до нас, — сказала она. — Кто-то, кто знал, что Алексей оставил это здесь. Кто-то из тех, кто был в Берлине в 1945 году. — Она посмотрела на Никиту. — Тот, чьё имя начинается на «Г». Глухов.

ГЛАВА 5. «Следы на с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.